

Степень сохранности диалектных черт
у представителей разных поколений
(Хиславичский район Смоленской области)

Анастасия И. Рыко
Университет Тарту, Тарту, Эстония,
anastasiia.ryko@ut.ee

Маргарита В. Спиричева
Институт лингвистических исследований РАН,
Санкт-Петербург, Россия, m.spiricheva@yandex.ru

Аннотация. В современных говорах Хиславичского района Смоленской области наблюдаются как диалектные черты, так и характерные черты русского литературного языка, которые активно проникают в эти говоры в течение последних десятилетий. С помощью количественного метода, позволяющего устанавливать частотность диалектных различительных признаков в спонтанной речи носителей этих говоров, предпринимается попытка проследить динамику развития данных говоров. В исследовании устанавливается перечень релевантных диалектных различий, подсчитывается доля сохранности диалектных черт в семи идиолектах, создаются языковые профили этих идиолектов, представленные в виде радиальных диаграмм. На основании анализа языковых профилей определяются три степени сохранности диалекта, которые не зависят от принадлежности информантов к старшему или младшему поколению. Также отмечается, что сначала утрачиваются морфологические черты, затем – лексикализованные фонетические.

Ключевые слова: диалектология, русские говоры, русско-белорусское пограничье, идиолект, языковое профилирование, количественные методы

Для цитирования: Рыко А.И., Спиричева М.В. Степень сохранности диалектных черт у представителей разных поколений (Хиславичский район Смоленской области) // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2022. № 5. С. 121–141. DOI: 10.28995/2686-7249-2022-5-121-141

The degree of preservation of dialectal features in different generations (Khislavichi district of the Smolensk region)

Anastasiya I. Ryko

University of Tartu, Tartu, Estonia, anastasiia.ryko@ut.ee

Margarita S. Spiricheva

*Institute for Linguistic Studies, RAS, Saint-Petersburg, Russia,
m.spiricheva@yandex.ru*

Abstract. In the modern dialect of the Khislavichsky district of the Smolensk region, both dialectal features and features of the Russian standard language are observed, the latter actively permeating the dialectal speech over the past decades. We attempt to trace the dynamics of the development of this dialect with the help of quantitative methods which make it possible to establish the frequency of distinctive dialectal features in the spontaneous speech of individual speakers. The study establishes a list of relevant dialectal differences, calculates the proportion of dialectal features in seven idiolects, and creates linguistic profiles of these idiolects presented in the form of radial diagrams. Based on the analysis of these linguistic profiles, three degrees of preservation of the dialect are established, which do not depend on whether the informants belong to the older or younger generation. It is also noted that morphological features are lost first, followed by lexicalized phonological ones.

Keywords: dialectology, Russian dialects, Russian-Belarusian borderlands, idiolect, linguistic profiling, quantitative methods

For citation: Ryko, A.I. and Spiricheva, M.V. (2022), "The degree of preservation of dialectal features in different generations (Khislavichi district of the Smolensk region)", *RSUH/RGGU Bulletin. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series*, no. 5, pp. 121–141, DOI: 10.28995/2686-7249-2022-5-121-141

1. Введение

Хиславичский район Смоленской области (как и другие территории русско-белорусского пограничья) характеризуется специфической языковой ситуацией. В начале XX в. эта территория административно принадлежала к Мстиславскому уезду Могилевской области, а говоры данной местности описывались как северо-восточные говоры белорусского языка (см.: Карский 1903, карта; Дурново, Соколов, Ушаков 1915, карта). С 1924 г. эта тер-

ритория вошла в состав Смоленской области. В настоящее время данные говоры описываются как часть западной группы говоров южнорусского наречия [Захарова, Орлова 2004, с. 33–35]. Отнесение этих говоров к русскому языку обосновывается в том числе и перспективами существования диалектных черт: считается, что диалектные особенности, чуждые стандартному русскому языку, являются исчезающими [Захарова, Орлова 2004, с. 33–35].

Вопрос о степени лингвистических изменений в современных говорах, распространенных на территории Хиславичского района Смоленской области, остается открытым. Таким образом, исследование этих говоров является актуальным.

Как правило, в работах, посвященных анализу утраты диалектных черт [Daniel, von Waldenfels, Kazakova etc. 2019; Kochetov 2006; Дьяченко, Малышева, Тер-Аванесова 2018; Ерофеева 2005; Казакова, Добрушина, Даниэль 2016] анализируется система говора в целом. В настоящей работе предпринимается попытка описать изменения в *идиолектах* информантов разных поколений.

Как показывает полевой материал, собранный в 2018–2019 гг., в говоре западной части Хиславичского района диалектные черты присутствуют не только у старшего поколения его носителей (информанты 1930–1940-х гг. рождения), но в какой-то степени и у более молодых информантов (1950–1960-х гг. рождения).

Нас интересует зависимость степени сохранности диалектных черт от возраста и уровня образования информантов. Кроме того, мы попытаемся проследить, какие черты утрачиваются в первую очередь, а какие сохраняются дольше. В статье описывается методология построения языкового профиля информанта, характеризуется материал, анализируются построенные языковые профили.

2. Методология

2.1. *Описание метода.* При описании идиолектов носителей этих говоров применялась методика языкового профилирования носителя диалекта, предложенная в [Конёр, Макарова, Соболев 2019], которая предполагает установление количественного соотношения соотносительных вариантов, принадлежащих разным «стандартным» идиомам. Для профилирования сначала устанавливаются релевантные элементы структуры сербского языка, которые выступают в разных соотносительных вариантах в сопоставляемых новоштокавских и тимокских говорах, затем рассматривается количественное соотношение этих вариантов в идиолекте конкретного информанта, носителя «нестандартизированного» идиома. При

этом результаты визуализируются в виде радиальных диаграмм [Конёр, Макарова, Соболев 2019, с. 28–29]. Используя этот метод, можно описывать не только близость «нестандартизированных» идиомов к тому или иному литературному языку, но и оценивать степень сохранности диалектных черт в речи конкретных носителей говора, подсчитав количество «стандартных» и диалектных реализаций в их речи.

Для применения количественных методов при описании конкретных идиолектов и языкового профилирования носителей пограничных русско-белорусских говоров Хиславичского района нами был составлен перечень «релевантных» диалектных различий для данного региона. Предварительный перечень был составлен с опорой на описания этих говоров в предшествующей литературе (см.: ДАРЯ I, ДАРЯ II, ДАБМ, [Авансаў 1964], [Захарова, Орлова 2004]) и с учетом записей современного состояния говоров русско-белорусского пограничья. В данной статье предпринимается попытка количественной оценки встречаемости этих черт в конкретных идиолектах на основании сплошной выборки, что позволяет проследить динамику развития диалекта, оценить степень сохранности отдельных диалектных черт у конкретных информантов.

При выборе той или иной черты для дальнейших подсчетов и анализа мы ориентировались на следующие принципы: 1) наличие позиционно не обусловленной вариативности; 2) возможность представить критерий в виде бинарной оппозиции; 3) частотность: в записях речи большинства информантов эти позиции представлены достаточно большим количеством примеров, причем наблюдается ярко выраженная вариативность «стандартной» и диалектной реализации. Большая часть рассматриваемых диалектных черт характерна для северо-восточных белорусских говоров, а на территории русских говоров отмечаются главным образом в пограничной зоне.

В основном это фонетические и морфологические особенности (например, рефлексy напряженных редуцированных в формах им. п. ед. ч. прил. муж. р. *-ый, -эй* под ударением, произношение долгих согласных в соответствии сочетаниями согласных с [j] <свиннй>), а также лексические единицы – некоторые союзы и частицы, которые можно рассматривать как грамматические показатели (частица *ти*, союз *як*).

Было подсчитано количество диалектных и «стандартных» (соответствующих литературной норме) вариантов и определена доля диалектных реализаций (которую мы условно выражали в процентах). Например, если у информанта в им. пад. личного местоимения 3-го л. окончание *-ы* (*яны́/аны́*) встретилось 192 раза,

окончание *-и* в той же форме (*ани́*) – 6 раз, сохранность диалектной черты в данном случае составляет 97%.

2.2. Критерии отбора диалектных черт

2.2.1. Черты, не учитывающиеся при построении языкового профиля. При подсчетах не учитывались некоторые диалектные черты, которые встречаются в большом количестве слов, но при этом имеют слабо выраженную вариативность (на эти черты мы ориентировались при выборе информантов, поскольку они позволяли идентифицировать человека как носителя диалекта), а также черты, вариативность которых выявить сложно. В первую очередь это фонетические черты:

- 1) диссимилятивное аканье/яканье присуще всем информантам, хотя некоторые отклонения от диссимилятивного принципа – в основном в сторону иканья – отмечаются, причем в большей степени у представителей младших поколений. Кроме того, поскольку аканье/яканье – сложное соответственное явление [Пожарицкая 2005, с. 5–6], его вариативность не может быть описана как одно бинарное противопоставление (а анализ этого явления как целого комплекса бинарных оппозиций представляется темой для отдельного исследования);
- 2) фриктивный [ʏ] хорошо сохраняется у всех носителей говора, у более молодых иногда заменяется на [в] в морфологизированной позиции (в окончаниях род. пад. ед., м. и ср. р. адъективного склонения);
- 3) твердый [ч] ни у кого из информантов не дает вариативности;
- 4) звуки [ʏ]/[у] в соответствии с литературным [ф] перед глухим согласным и на конце слова (*ла́йка*, *каро́й*): вариативность отмечается, но границу между вариантами провести сложно. Причем разные позиции дают разные картины: например, на конце слова у всех информантов без вариантов представлен [ʏ] (*каро́й*), перед согласным, особенно в сверхчастотных словах (*все*, *все́*), возможен «литературный» вариант с [ф]. Описание вариативности на этом участке системы также можно считать темой для отдельного исследования;
- 5) «цканье/дзеканье»: вариативность есть у всех информантов, но без инструментальных исследований невозможно установить, насколько она отличается от той вариативности, что представлена в современном русском литературном языке.

Морфологические черты, которые не учитывались при подсчетах, как правило, не дают вариативности у наших информантов (у всех представлен только диалектный вариант). Это такие черты,

как окончание «общего» спряжения в 3-м л. мн. ч. (*хобѹт*); окончание *-ою* в тв. ед. ж. р. у существительных, прилагательных, местоимений; окончания с *-тъ* в 3-м л. ед. и мн. ч. презенса.

Кроме того, целый ряд диалектных черт очень редко встречается в текстах, поэтому у многих информантов они или единичны, или не представлены вовсе: 1) [х] и [хв] в соответствии с литературным [ф] (*ко́хта*, *хва́ртук*); 2) наличие или отсутствие протетического [в] ([w]) перед начальными [о] и [у] (*во́кны*, *вѹ́тка*); 3) рефлексy напряженных редуцированных в основе презенса (*мѣю*); 4) формы тв. мн. существительных с основами на мягкие заднеязычные (*дѣ́йками*); 5) формы пр. ед. мягких основ м. р. (*нѣ кані́*); 6) формы личного местоимения 1-го л. ед. ч. род.-вин. (*мянѣ*); основа местоимений *тоб-*, *соб-* в дат.-пр. (*табѣ*, *сабѣ*); 7) формы дат. ед. местоимения 3-го л. ж. р. (*ѣй*); 8) счетный оборот (*дѣа братѣ*); 9) конструкция «по + пр. пад.» (*по дири́жнѣх*); 10) союзы *ка́бы*, *калі́*.

2.2.2. Черты, учитывающиеся при построении профилей. В результате анализа материала были отобраны следующие черты, использованные для профилирования:

А. Фонетические черты:

- 1) рефлексy праславянского сочетания **dj* в 1 л. ед. ч. глаголов 2-го спряжения (*сиджѹ vs сижѹ*);
- 2) произношение мягких долгих согласных в соответствии сочетаниями согласных с [j] (*свиннѣ vs свиннѣ́*). Сюда же относим произношение долгих отвердевших шипящих и [ц] в аналогичной позиции (например, *Зарѣчча*).

Б. Морфологические черты:

- 1) возвратный постфикс (после гласного) *-ся vs -сь*;
- 2) суффикс прош. вр. в формах м. р. [ѣ] vs [л];
- 3) отсутствие перехода *e > o* в окончаниях 3 ед. презенса глаголов I спр. с ударением на тематическом гласном (*бярѣть vs бярѣт*). Переход *e > o* наблюдается также в формах 2 ед. и 2 мн. (в хиславичских говорах представлено чередование *e ~ o* в парадигме презенса типа: *нясѣш*, *нясѣть*, *нясѣм*, *нясѣтя*), но количество этих форм в наших записях невелико, поэтому учитывались только формы 3 ед. При этом форма, в которой наблюдается переход *e > o*, может быть противопоставлена литературной форме с твердым конечным [т] (в говоре встречаются формы вроде *бярѣтъ*);
- 4) ударное адъективное окончание им. п. ед. ч. м. р. *-ѣй/-ый vs -ой* (*мѣладѣй/мѣладѣ́й vs мѣладѣ́й*);
- 5) ударное адъективное окончание им. п. мн. ч. *-ѣя vs -ые* (*мѣладѣ́я vs мѣладѣ́и*). Реализация конечного безударного гласного в этом окончании варьирует от [а] до [и], поэтому

диалектным мы считаем окончание с ударным гласным [э];

- 6) окончания им. п. личных местоимений 3-го л. мн. ч. *-ы* vs *-и* (*яны́/аны́* vs *ани́*).

В. Лексикализованные черты:

- 1) йотированные основы местоимений 3-го л. м. р. (*ён* vs *он*);
- 2) йотированные основы местоимений 3-го л. ж. р. (*ина́* vs *анá*).
Диалектный вариант этого (*ина*) формально не содержит начального [j], но произношение гласного [и] объясняется диссимилятивным аканьем, при котором гласный [а] после начального [j] изменился в [и] перед следующим ударным [а], что позволяет рассматривать диалектный вариант этой основы как аналог йотированным основам в других формах личных местоимений 3-го л.;
- 3) йотированные основы местоимений 3-го л. мн. ч. (*яны́* vs *ани́*);
- 4) формы 3 ед. наст. вр. глагола *быть* (*ёсць* (*ёсь*) vs *есть*);
- 5) формы им. ед. указательного местоимения *этый* vs *этът*;
- 6) союз *як* (и местоимения с основой *як-*: *яко́й* (*яке́й*), *яка́я*, *яко́я*) vs *как* (и местоимения с основой *как-*: *како́й*, *кѣка́я*, *како́я*).

Г. Синтаксические черты:

- конструкции с вопросительной частицей *ти* (фонетически *ци* или *чы*) vs конструкции с вопросительной частицей *ли* (союзом *или*).

3. Материал

Для построения языковых профилей использованы записи спонтанной речи, сделанные на портативный рекордер Tascam DR-22WL и диктофон Olympus WS-331M в полевых условиях, которые были расшифрованы в программе ELAN 5.7 и размечены в программе Microsoft Excel. Беседы велись о старом деревенском быте, о традициях и обычаях; от каждого информанта было записано от 60 до 300 минут текста. Материал был проанализирован методом сплошной выборки, причем каждая словоформа, в которой представлено одно из противопоставленных диалектных различий, оценивалась с точки зрения его принадлежности к «стандартному» языку или диалекту. Были проанализированы записи от семи информантов (среди них пять женщин и двое мужчин), относящихся к разным возрастным группам. Все информанты – уроженцы деревень, расположенных друг от друга в радиусе 5–7 км. Их идиолекты представляют разную степень сохранности диалектных черт.

- А. Информанты, родившиеся в 1930-х гг. («старшая» возрастная группа):
- 1) pds1932: женщина, 1932, род. в д. Шипы, живет в д. Жанвиль, образование 4 класса, колхозница, запись 2019 г. (300 мин);
 - 2) vfr1931: женщина, 1931, род. в д. Николаево (4 км от д. Заречье), живет в д. Стайки, образование 6 классов, колхозница, запись 2018 г. (60 мин);
 - 3) ndr1934: женщина, 1934, род. в д. Мурашки (2 км от д. Николаево), живет в д. Заречье, колхозница, много лет работала бригадиром, запись 2019 г. (100 мин);
 - 4) nib1935: мужчина, 1935, род. в д. Стайки, живет в д. Стайки, колхозник, образование 7 классов, запись 2018 г. (60 мин).
- Б. Информанты, родившиеся в 1950–1960-х гг. («младшая» возрастная группа):
- 5) nXr1961: женщина, 1961, род. в д. Мазыки, живет в д. Стайки, образование среднее специальное (техникум), агроном, фермер, предприниматель, запись 2018–2019 гг. (120 мин);
 - 6) pak1955: мужчина, 1955, род. в д. Мазыки, живет в д. Мазыки, образование 8 классов, колхозник, запись 2018 г. (70 мин);
 - 7) tXe1969: женщина, 1969, род. в д. Мазыки, живет в д. Стайки, образование среднее специальное (техникум), колхозница, предприниматель, запись 2019 г. (60 мин).

4. Анализ материала

Анализ языковых профилей информантов позволяет выделить три степени сохранности диалекта, которые мы условно обозначили как «диалектный эталон», «сглаженная диалектность» и «остаточная диалектность».

За «диалектный эталон» были приняты идиолекты информантов старшего поколения, являющиеся наиболее архаичными (т. е. содержащие наибольшее количество диалектных форм). Языковые профили других информантов рассматривались на фоне этого эталона, оценивалось отклонение от эталона в сторону литературного «стандарта». «Сглаженной диалектностью» мы условно называем меньшую по сравнению с «диалектным эталоном» степень сохранности диалектных черт. «Остаточной диалектностью» мы обозначаем идиолект, в котором часть диалектных черт утрачена, а другая часть демонстрирует вариативность.

1) «Диалектный эталон»

Профили двух наиболее архаичных по языку информантов (pds1932, vfr1931) близки друг другу: количество диалектных

реализаций многих вариативных явлений или максимально, или стремится к максимальному (что хорошо видно на диаграмме 1). Это произношение суффикса прош. вр. м. р. -л как [ʏ], отсутствие перехода *e > o* в окончаниях презенса под ударением, ударное адъективное окончание им. п. ед. ч. м. р. -эй, ударное адъективное окончание им. п. мн. ч. -эя, окончание им. п. личных местоимений 3 л. мн. ч. -ы, «йотированная» основа местоимения 3 л. ж. р. (и́на), форма 3 ед. наст. вр. ёсць, форма им. ед. указательного местоимения э́тый, союз *як* и местоимения с основой *як*-.

Диалектно-литературная вариативность у обеих информанток часто наблюдается на одних и тех же участках системы: это вариативность *сиджу́ vs сижу́*, постфикс -ся vs -сь, ён vs он, яны́ vs аны́, синтаксические конструкции с частицей *ти* vs частицей *ли* (союзом *і́ли*). При этом степень вариативности может и быть примерно одинаковой, или существенно различаться.

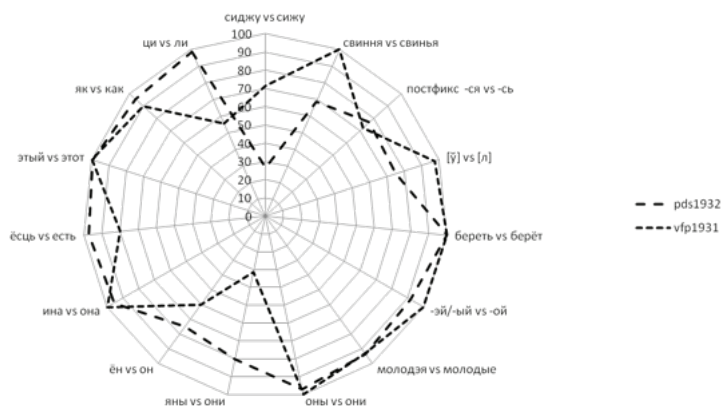

Диаграмма 1

2) «Сглаженная диалектность»

К этому типу проявления диалектно-литературной вариативности можно отнести идиолекты, в которых ряд диалектных черт сглаживается, т. е. наблюдается некоторое приближение к литературному стандарту. Таковую картину мы наблюдаем в идиолектах представителей разных поколений – как информантов, родившихся в 1930-х гг., так и у некоторых представителей более молодого поколения (родившихся в 1960-х гг.). «Сглаженная диалектность» представлена следующими языковыми профилями:

а) языковой профиль информантки ndr1934, которая отличается от других информантов старшего возраста более высоким социальным статусом — она много лет работала не рядовой крестьянкой, а бригадиром (см. диаграмму 2)¹. Здесь мы видим чуть меньшую степень диалектности — увеличивается вариативность в сторону стандарта, причем для одних черт преобладает диалектная реализация, для других — стандартная. Так, по преимуществу диалектный вариант, как и в «эталонных» идиолектах, представлен в реализации суффикса прош. вр. м. р. -л как [ŭ], ударного адъективного окончания им. п. ед. ч. м. р. (*мѡладѣ́й*), местоимения 3-го л. ж. р. (*и́на*)², им. п. указательного местоимения *э́тый*. Также высокую степень диалектности (даже выше, чем в «эталонных» идиолектах) можно отметить в произношении [дж] в соответствии с [ж] в позиции рефлекса праславянского сочетания **dj* (*сидѣ́жy* vs *сидѣ́жy*) в формах 1-го л. ед. ч. глаголов II спр. При реализации других черт часто наблюдается выбор в пользу литературного варианта. Особенно заметна слабая «диалектность» в реализации таких черт, как возвратный постфикс (после гласного) -ся vs -сь, основа местоимений 3-го л. мн. ч. (*яны́* vs *ани́*), формы 3 ед. наст. вр. глагола *быть* (*ѣсць* vs *есть*), конструкции с вопросительной частицей *ти* vs конструкции с вопросительной частицей *ли* (союзом *и́ли*);

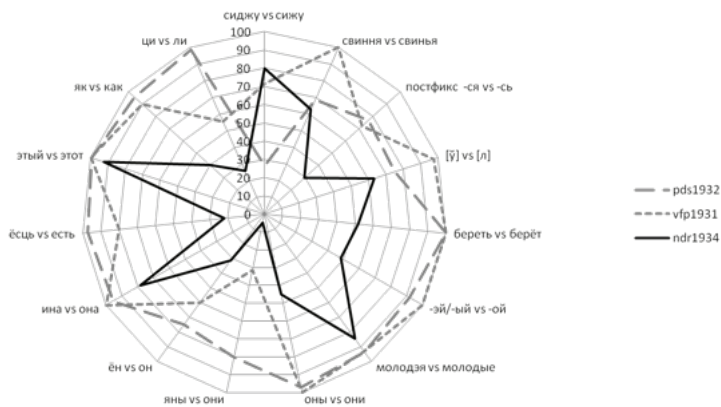

Диаграмма 2

¹ На диаграмме 2 и всех последующих для сравнения приведены данные носителей «диалектного эталона» (диаграмма 1).

² Диалектный вариант местоимения ж. р. *ина* сохраняется лучше, чем диалектные варианты других местоимения 3-го л., так как данный вариант поддерживается диссимилятивным яканьем, требующим произношения [и] перед ударным [а].

б) языковой профиль *nib1935*. Здесь мы наблюдаем меньшую степень архаичности говора по сравнению с «диалектным эталоном»: ряд черт демонстрирует его приближение к литературному стандарту (см. диаграмму 3).

Заметен «перекося» профиля: меньшая степень диалектности видна в области «фонетических» и «морфологических» черт: *сиджу́ vs сижу́*, *свиння́ vs сви́ня*, постфикс *-ся vs -сь, -ѣ vs -л* в формах прош. вр. м. р., переход *e > o* в окончаниях презенса, *-эй vs -ой* в ударных окончаниях прилагательных им. ед. м. р., *-эя vs -ие* в им. мн. прилагательных. Кроме предпочтения литературного варианта при выборе *ѐн vs он*, *ѐсць vs есть* (вариативность этих черт характерна для «диалектного эталона»), заметно, что меньше используется диалектный союз *як*. При этом сохраняются пики «диалектности» (небольшое количество литературных вариантов реализации при большом количестве диалектных) таких черт, как «лексикализованные» местоимения *э́тый* и *и́на* и окончание местоимения 3-го л.;

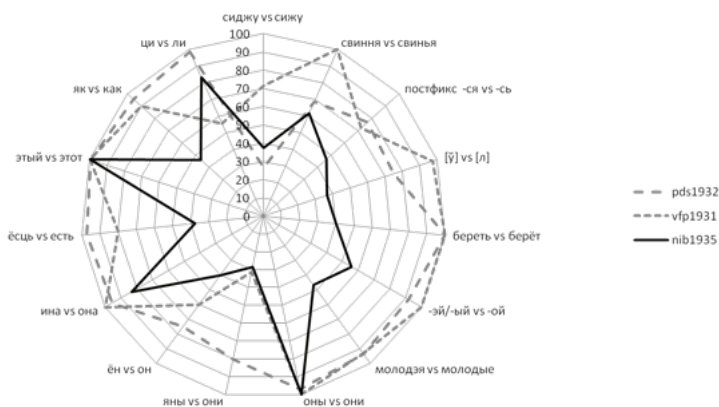

Диаграмма 3

в) «сглаженную диалектность» демонстрирует также профиль *nXr1961* (см. диаграмму 4): вариативность «диалектное/стандартное» в незначительной степени затрагивает многие черты. Из фонетических черт полностью стандартными становятся рефлексy **dj* (диалектного варианта типа *сиджу́* не зафиксировано вовсе); больше литературных вариантов (по сравнению с «диалектным эталоном») представлено в реализации форм 3 ед. наст. вр. глагола *быть* (*ѐсць vs есть*). Для остальных черт характерна или вариативность «литературное/диалектное» (произношение долгих согласных в соот-

ветствии сочетаниями согласных с [j], возвратный постфикс *-ся* vs *-сь*, ударное адъективное окончание им. ед. м. р. *-эй/-ой*, ударное адъективное окончание им. мн. *-эя* vs *-ие*; местоимения 3-го л. с йотированными основами м. р. *ён* и мн. ч. *яны́*) или предпочтение диалектного варианта (суффикс прош. вр. м. р. [ʏ], отсутствие перехода *e > o* в окончаниях презенса, основа местоимения 3-го л. ж. р. *инá*, окончание местоимения 3-го л. мн. ч. *-ы* vs *-и*, формы им. ед. указательного местоимения *э́тый* vs *э́тът*, союз *як* vs *как*, конструкции с вопросительной частицей *ти* vs *ли* (союзом *и́ли*)).

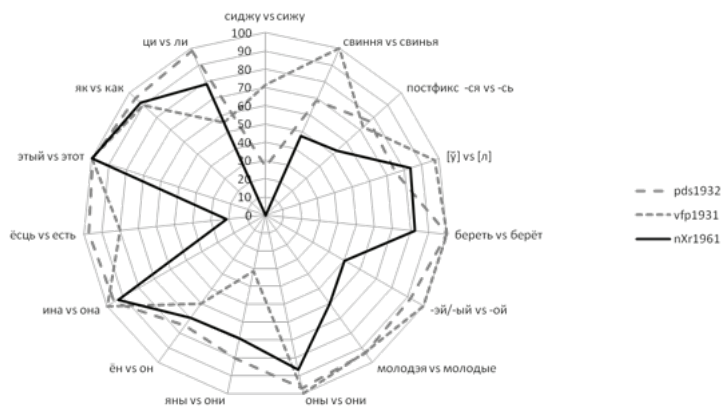

Диаграмма 4

3) «Остаточная диалектность»

а) на «мужском» профиле информанта pak1955 (см. диаграмму 5) заметна «поляризация» вариантов большинства противопоставленных черт: вариативность каждой черты небольшая, информант как бы выбирает по каждому признаку, в какую сторону его выравнивать – в сторону литературного или диалектного варианта. Так, для одной из фонетических черт (*сиджу́* vs *сижу́*) представлен только литературный вариант, а для другой (произношение долгих согласных в соответствии сочетаниями согласных с [j]) преимущественно диалектный. Точно так же «поляризуются» и морфологические черты: явно преобладает литературный вариант постфикса *-сь*, окончания местоимения 3-го л. мн. ч. *-и*, нет форм презенса без перехода *e > o* в окончаниях; преимущественно диалектные варианты выбираются для суффикса прош. вр. м. р. *-л*, ударных адъективных окончаний им. ед. м. р. *-эй/-ый* vs *-ой*, им.

мн. -*эя* vs -*ие*. Среди «лексикализованных» черт в одних случаях предпочитается диалектный вариант (местоимение 3-го л. ж. р. *инá*; употребление частицы *ти* в соответствии со стандартной *ли*), в других – литературный вариант: формы глагола *быть* 3 ед. наст. вр. *есть* (как у большинства информантов), союз *как* (как и в идиолекте *nib1935*), в отличие от всех предыдущих информантов – *этът* (вместо *этый*);

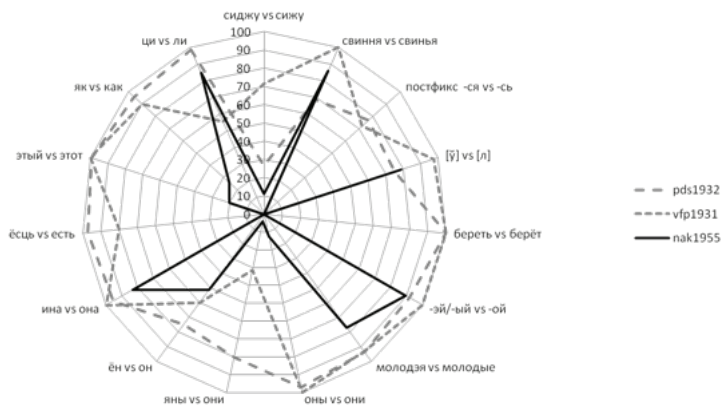

Диаграмма 5

б) как профиль с «остаточной диалектностью» можно охарактеризовать и профиль tXe1969 (см. диаграмму 6), в котором часть диалектных черт утрачена вовсе, другая часть демонстрирует употребление как литературного, так и диалектного варианта. Так, литературный вариант «побеждает» при выборе вариантов *сиджу́* vs *сижу́*, окончания местоимения 3-го л. мн. ч. -*ы* vs -*и*, адъективного окончания им. мн. -*эя*/-*ие*, формы глагола *быть* 3 ед. наст. вр. *ёсть* vs *есть*, союза *як/как*. Другие черты в какой-то степени сохраняют вариативность литературной и диалектной реализации: произношение *свиння́* vs *свинья́*, возвратный постфикс -*ся* vs -*сь*, суффикс прош. вр. м. р. -*й* vs -*л*, отсутствие перехода vs переход *e > o* в окончаниях презенса, адъективные окончания им. ед. -*эй*/-*ый* vs -*ой*, форма указательного местоимения им. ед. *этый* vs *этът*, местоимение 3-го л. ж. р. *инá* vs *анá*, местоимение 3-го л. м. р. *ён* vs *он*. Похоже, что диалектно-литературную вариативность сохраняют скорее «лексикализованные» черты, чем морфологические.

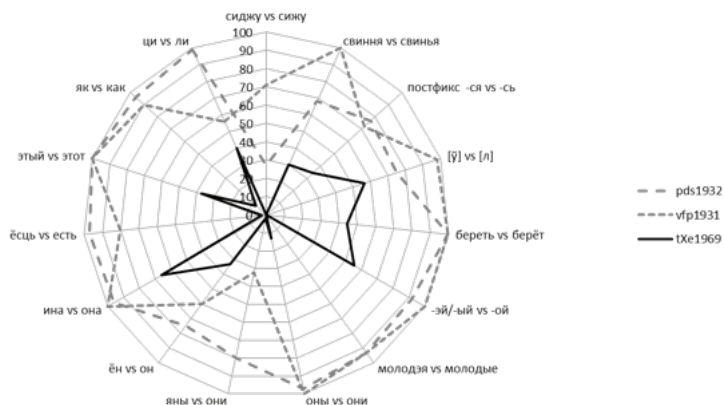

Диаграмма 6

5. Заключение

Сравнение языковых профилей носителей «нестандартизированного идиома» разных поколений позволяет сделать следующие предварительные выводы.

Во-первых, принадлежность к «старшему» (1930-е гг. рождения) или «младшему» (1950–1960-е гг. рождения) поколению сама по себе не говорит о степени утраты диалектности. Так, профиль идиолекта pXe1961 демонстрирует «сглаженную диалектность», т. е. незначительную вариативность литературных/диалектных черт, и сопоставим с языковыми профилями информантов, родившихся в 1930-е гг.

Во-вторых, можно заметить, что на первой стадии утраты диалекта, которую мы обозначили как «сглаженную диалектность», явная вариативность «диалектное/литературное» наблюдается в первую очередь в области морфологических показателей, в то время как фонетические и «лексикализованные» диалектные черты остаются почти без изменений. На следующей стадии утраты диалекта (профили pak1955 и tXe1969) вариативны уж не только морфологические, но и «лексикализованные» черты, причем часть из них вообще полностью выравнивается в пользу новой (стандартной) системы. Другие черты могут сохранять диалектные варианты (полностью или наряду с литературными), причем эти черты оказываются разными для разных идиолектов (т. е. внутри каждого идиолекта наблюдается индивидуальный набор диалектных черт, которые сохраняются в той или иной степени).

Таблица 1. pds1932

	Диалектное	Стандартное	Всего	Доля диалектности
сиджѹ vs сижѹ	4	11	15	27
свиннѹ vs свиннѹ	26	12	38	68
постфикс -ся vs -сь	73	22	95	77
[ѹ] vs [л]	185	61	246	75
бярѣть vs бярѣт	81	0	81	100
-эѹ/-ый vs -ой	80	7	87	92
мѣладѣя vs мѣладѣи	112	8	120	93
анѹ vs анѹ	192	6	198	97
янѹ vs анѹ	159	39	198	80
ѣн vs он	62	21	83	75
инѹ vs анѹ	213	10	223	96
ѣсць vs есть	34	1	35	97
ѣтый vs ѣтът	203	1	204	100
як vs как	419	18	437	96
ци vs ли	77	1	78	99

Таблица 2. vfp1931

	Диалектное	Стандартное	Всего	Доля диалектности
сиджѹ vs сижѹ	5	2	7	71
свиннѹ vs свиннѹ	14	0	14	100
постфикс -ся vs -сь	13	5	18	72
[ѹ] vs [л]	39	1	40	98
бярѣть vs бярѣт	33	0	33	100
-эѹ/-ый vs -ой	18	0	18	100
мѣладѣя vs мѣладѣи	13	1	14	93
анѹ vs анѹ	19	0	19	100
янѹ vs анѹ	6	13	19	32

Окончание табл. 2

	Диалектное	Стандартное	Всего	Доля диалектности
ён vs он	9	6	15	60
ина́ vs ана́	15	0	15	100
ёсць vs есть	4	1	5	80
э́тый vs э́тът	3	0	3	100
як vs как	18	2	20	90
ци vs ли	5	4	9	56

Таблица 3. ndr1934

	Диалектное	Стандартное	Всего	Доля диалектности
сиджу́ vs сижу́	4	1	5	80
свиння́ vs свинья́	17	10	27	63
постфикс -ся vs -сь	15	36	51	29
[ǔ] vs [л]	24	14	38	63
бярэ́ць vs бяре́т	15	14	29	52
-эй/-ый vs -ой	15	16	31	48
мьладэ́я vs мьлады́и	32	6	38	84
аны́ vs ані́	9	11	20	45
яны́ vs ані́	1	19	20	5
ён vs он	6	13	19	32
ина́ vs ана́	11	3	14	79
ёсць vs есть	4	14	18	22
э́тый vs э́тът	12	1	13	92
як vs как	18	27	45	40
ци vs ли	8	23	31	26

Таблица 4. n1b1935

	Диалектное	Стандартное	Всего	Доля диалектности
сиджѹ vs сижѹ	3	5	8	38
свиннѹ vs свиннѹ	8	5	13	62
постфикс -ся vs -сь	21	24	45	47
[ѹ] vs [л]	21	36	57	37
бярѣть vs бярѣт	6	9	15	40
-эѹ/-ый vs -ой	10	8	18	56
мѣладѣя vs мѣладѣи	7	8	15	47
анѹ vs анѹ	7	0	7	100
янѹ vs анѹ	2	5	7	29
ѣн vs он	2	3	5	40
инѹ vs анѹ	5	1	6	83
ѣсць vs есть	3	5	8	38
ѣтѹ vs ѣтѹ	7	0	7	100
як vs как	17	20	37	46
ци vs ли	5	1	6	83

Таблица 5. nXr1961

	Диалектное	Стандартное	Всего	Доля диалектности
сиджѹ vs сижѹ	0	11	11	0
свиннѹ vs свиннѹ	10	11	21	48
постфикс -ся vs -сь	30	27	57	53
[ѹ] vs [л]	41	8	49	84
бярѣть vs бярѣт	14	3	17	82
-эѹ/-ый vs -ой	2	2	4	50
мѣладѣя vs мѣладѣи	3	2	5	60
анѹ vs анѹ	22	25	47	47
янѹ vs анѹ	22	25	47	47
ѣн vs он	16	7	23	70

Окончание табл. 5

	Диалектное	Стандартное	Всего	Доля диалектности
ина́ vs ана́	53	4	57	93
ёсць vs есть	7	26	33	21
э́тый vs э́тът	13	0	13	100
як vs как	35	3	38	92
ци vs ли	11	3	14	79

Таблица 6. nak1955

	Диалектное	Стандартное	Всего	Доля диалектности
сиджу́ vs сижу́	1	8	9	11
свиння́ vs сви́нья	6	1	7	86
постфикс -ся vs -сь	0	1	1	0
[ʏ] vs [л]	74	20	94	79
бярэ́ць vs бяре́т	0	6	6	0
-эй/-ый vs -ой	43	5	48	90
мъладэ́я vs мѣладѣ́и	20	6	26	77
анѣ́ vs ані́	6	41	47	13
янѣ́ vs ані́	2	45	47	4
ён vs он	16	15	31	52
ина́ vs ана́	30	6	36	83
ёсць vs есть	0	6	6	0
э́тый vs э́тът	2	8	10	20
як vs как	12	35	47	26
ци vs ли	11	2	13	85

Таблица 7. tXe1969

	Диалектное	Стандартное	Всего	Доля диалектности
сиджу́ vs сижу́	0	8	8	0
свиння́ vs сви́ня	3	7	10	30
постфикс -ся vs -сь	12	23	35	34
[ǔ] vs [л]	18	14	32	56
бярэ́ць vs бяре́т	12	15	27	44
-эй/-ый vs -ой	10	8	18	56
мьладэ́я vs мьладэ́и	0	27	27	0
аны́ vs ані́	6	40	46	13
яны́ vs ані́	1	45	46	2
ён vs он	11	22	33	33
ина́ vs ана́	35	18	53	66
ёсць vs есть	1	39	40	3
э́тый vs э́тът	3	5	8	38
як vs как	7	84	91	8
ци vs ли	6	9	15	40

Благодарности

Исследование выполнено при поддержке фонда РФФИ: грант 19-012-00207 «Лексический атлас русских народных говоров: архивные лингво-географические источники и новые полевые данные».

Acknowledgements

This work was supported by RFBR, project no. 19-012-00207 “Lexical atlas of Russian folk dialects: archival linguo-geographical sources and new field data”.

Источники

- ДАБМ – Дыялекталагічны атлас беларускай мовы / Пад рэд. Р.І. Аванэсава. Мінск, 1963. 355 с.
 ДАРЯ I – Диалектологический атлас русского языка: центр Европейской части России / Ред. Р.И. Аванесов, С.В. Бромлей. Вып. 1: Фонетика. М.: Наука, 1986. 214 с.
 ДАРЯ II – Диалектологический атлас русского языка: центр Европейской части России / Ред. С.В. Бромлей. Вып. 2: Морфология. М.: Наука, 1989. 165 с.

- Дурново, Соколов, Ушаков 1915 – *Дурново Н.Н., Соколов Н.Н., Ушаков Д.Н.* Опыт диалектологической карты русского языка в Европе с приложением Очерка русской диалектологии. М: Синодальная типография, 1915. 140 с.
- Карский 1903 – *Карский Е.Ф.* Белоруссы. 1: Введение в изучение языка и народной словесности. Варшава: Тип. Варшавского учебного округа, 1903. 466 с.

Литература

- Дьяченко, Малышева, Тер-Аванесова 2018 – *Дьяченко С.В., Малышева А.В., Тер-Аванесова А.В.* Из наблюдений над фонетикой владимирско-поволжских говоров: ёканье и позиционная мягкость ж, ш // Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова. Вып. 17: Фонетика / Отв. ред. О.В. Антонова, М.Л. Каленчук, Д.М. Савинов; ред. Е.С. Скачедубова, А.Е. Сомова. М., 2018. 320 с.
- Ерофеева 2005 – *Ерофеева Е.В.* Вероятностная структура идиомов: социолингвистический аспект. Пермь: Изд-во Пермского ун-та, 2005. 319 с.
- Захарова, Орлова 2004 – *Захарова К.Ф., Орлова В.Г.* Диалектное членение русского языка. М: УРСС, 2004. 176 с.
- Казакова, Добрушина, Даниэль 2016 – *Казакова П.Н., Добрушина Н.Р., Даниэль М.А.* Экспедиции НИУ ВШЭ: Корпус говоров бассейна реки Устья и изучение вариативности в говоре деревни Михалёвская // Русский язык в научном освещении. 2016. № 2 (32). С. 250–257.
- Конёр, Макарова, Соболев 2019 – *Конёр Д.В., Макарова А.Л., Соболев А.Н.* Статистический метод языкового профилирования носителя диалекта (на материале восточносербского идиома села Берчиновац) // Вестник Томского государственного ун-та. Филология. 2019. № 58. С. 17–33.
- Пожарицкая 2005 – *Пожарицкая С.К.* Русская диалектология. М: Парадигма: Академический проект, 2005. 256 с.
- Аванесаў 1964 – Нарысы па беларускай дыялекталогіі / Рэд. Р.І. Аванесаў. Мінск: Навука і тэхніка, 1964. 415 с.
- Daniel, von Waldenfels, Kazakova etc. 2019 – *Daniel M., Waldenfels R., von, Kazakova P., Ter-Avanesova A. and others.* Dialect loss in the Russian North: modelling change across variables // Language Variation and Change. 2019. Vol. 31. No. 3. P. 353–376.
- Kochetov 2006 – *Kochetov A.* The role of social factors in the dynamics of sound change: A case study of a Russian dialect // Language Variation and Change. 2006. Vol. 18. No. 01. P. 99–119.

References

- Avaniesau, R.I. (ed.) (1964), *Narysy pa belaruskai dyialektalogii* [Essays on Belarus dialectology], Navuka i tekhnika, Minsk, USSR.
- Daniel, M., Waldenfels, R., von, Kazakova, P., Ter-Avanesova, A and others (2019), “Dialect loss in the Russian North: modelling change across variables”, *Language Variation and Change*, vol. 31, no. 3, pp. 353–376.

- D'yachenko, S.V., Malysheva, A.V. and Ter-Avanesova, A.V. (2018), "On phonetics of vladimir-povolzhje dialects: jokanje and positional softening of hissing consonants", *Trudy instituta russkogo yazyka imeni V.V. Vinogradova* [Proceedings of the V.V. Vinogradov Russian Language Institute], issue 17: *Fonetika* [Phonetics], Moscow, Russia.
- Erofeeva, E.V. (2005), *Veroyatnostnaya struktura idiomov: sotsiolingvisticheskiy aspekt* [Probabilistic structure of social language variants], Izdatel'stvo Permskogo universiteta, Perm, Russia, 319 p.
- Kazakova, P.N., Dobrushina, N.R. and Daniel', M.A. (2016), "Expeditions of NIU VShE: The corpus of dialects of the Ustja river basin and the study of variability in the dialect of Mikhalevskaya village", *Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii*, vol. 32, no. 2, pp. 250–257.
- Kochetov, A. (2006), "The role of social factors in the dynamics of sound change: A case study of a Russian dialect", *Language Variation and Change*, vol. 18, no. 01, pp. 99–119.
- Koner, D.V., Makarova, A.L. and Sobolev, A.N. (2019), "Linguistic/dialectal profiling of dialect speakers: The method presented on the idiolectform Berčinovac, Eastern Serbia", *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*, no. 58, pp. 17–33.
- Pozharitskaya, S.K. (2005), *Russkaya dialektologiya* [Russian dialectology], Paradigma: Akademicheskii proekt, Moscow, Russia.
- Zakharova, K.F. and Orlova, V.G. (2004), *Dialektnoe chlenenie russkogo yazyka* [Dialect division of the Russian language], URSS, Moscow, Russia.

Информация об авторах

Анастасия И. Рыко, Тартуский университет, Эстония, Тарту; 50409, Эстония, Тарту, ул. Лосси, д. 4; anastasiia.ryko@ut.ee

Маргарита В. Спиричева, аспирант, Институт лингвистических исследований РАН, Россия, Санкт-Петербург; 199053, Россия, Санкт-Петербург, Тучков пер., д. 9; m.spiricheva@yandex.ru

Information about the authors

Anastasiya I. Ryko, the University of Tartu, Tartu, Estonia; bld. 4, Lossi St., Tartu, Estonia, 50409; anastasiia.ryko@ut.ee

Margarita V. Spiricheva, postgraduate student, Institute for Linguistic Studies RAS, Saint-Petersburg, Russia; bld. 9, Tuchkov Line, Saint-Petersburg, Russia, 199053, m.spiricheva@yandex.ru